

МИХАИЛ ЛИДОГОСТЕР

ЭКСПРЕСС НА НААРИЮ

РАССКАЗЫ

12+

Михаил Лидогостер

Экспресс на Наарию.
Сборник рассказов

«Автор»

2018

Лидогостер М.

Экспресс на Наарию. Сборник рассказов / М. Лидогостер — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11058-8

Удивительные переплетения человеческих судеб, груз незадаанных вопросов, мистика неожиданных ответов – все это причудливо сплелось на страницах сборника Михаила Лидогостера «Экспресс на Наарию». Каждый рассказ пропитан светлой грустью, которая, тем не менее, кристаллизуется, превращаясь в надежду. Герои рассказов – жители Израиля, каждый со своей болью, радостями, грузом воспоминаний. Каждый из них находится на перепутье судьбы и обретает то, что заставляет принять решение, сделать выбор, поменять свои представления о привычном мире. В этих рассказах груз человеческих судеб неотрывно связан с жарким дыханием пустыни. Короткие истории, в которых видна целая жизнь. Ничего лишнего, только суть, переданная широкими, но точными мазками. Все герои разные и не связаны между собой. Но сборник, тем не менее, выполнен в одном настроении. Задумчивый и меланхоличный, с привкусом ремарковской философии и керуаковской отчужденности.

ISBN 978-5-532-11058-8

© Лидогостер М., 2018

© Автор, 2018

Михаил Лидогостер

Экспресс на Наарию. Сборник рассказов

Михаил Лидогостер
«Экспресс на Наарию»
Сборник рассказов

«Молчаливые дни»

Впервые я увидел ее во время службы в армии. Мне вместе с другим новобранцем, выпал черед нести ночную смену на одной из вышек, расставленных по периметру военной базы. Нам выдали по магазину патронов, рацию и большую флягу с водой. Бутерброды и сигареты мы прихватили сами.

Сержант дал простой инструктаж – всматриваться в ночные барханы, и если заметим что-то странное, сразу сообщать об этом дежурному. Винтовки следовало держать в боевой готовности, на связь выходить каждые полчаса, в туалет ходить по очереди. Мы поднялись наверх, бросили вещи на железный пол будки и завели неспешный разговор о том, чем займемся, когда служба закончится.

Я вполуха слушал рассказ Олега и думал об Эстер. В каждом дуновении ветра мне чудилось ее дыханье. Мы расстались перед самым призывом и уже несколько месяцев не общались. От знакомых я узнавал какие-то факты и слухи, и все, что я слышал, не давало мне спокойно спать. Несколько раз я порывался написать примирительное смс, но всегда останавливал себя. У меня даже вошло в привычку писать длинные черновики и на следующий день стирать их.

– Если три года ударно попахать в Эйлате, то наберется нужная сумма, – сказал Олег. – Вернемся с Ленкой в Одессу и запустим сеть маршрутных такси.

– Круто, – ответил я и достал из кармана пачку сигарет.

Меня всегда восхищали люди, у которых есть четкий жизненный план. В отличие от них, я даже не мог представить, что со мной будет через полгода. Я и в армию-то попал случайно.

Нагретая за день будка медленно отдавала тепло. Ночь не принесла с собой желанной прохлады. Даже небольшой ветерок, шумевший в кронах эвкалиптов, не спасал от жары.

Я чиркнул спичкой и прикурил. Дым от сигареты заполнил будку. Чтобы не задохнуться, я приоткрыл окно.

– Закрой, ты что?! – возмутился Олег.

Устав строго предписывал держать бронированные стекла будки закрытыми.

– Думаешь, мы и впрямь кому-то нужны? – спросил я.

– Конечно!

– Зачем тогда снял каску?

Олег улыбнулся:

– Затем, что сию ниже уровня окон.

– Тоже мне лайфхак, – я поделился с ним сигаретой, но окно так и не закрыл.

– Говорят, прошлой ночью кто-то видел трассеры, – сказал Олег и тоже закурил.

– Это что вообще?

– Пули, которые используют для наводки артиллеристских снарядов.

Я недоверчиво поморщился:

– Парни просто боевиков насмотрелись.

Олег хмыкнул и неопределенно пожал плечами.

– Слышал, что на соседней базе недавно чуть не погиб целый отряд? – спросил он.

– Нет.

– Террористы прокопали туннель прямо под баскетбольную площадку и заложили туда взрывчатку. Солдаты всегда играли в одно и то же время. – Олег глубоко затаился. – Тогда и произошел взрыв. В тот день ребят только чудо спасло. Начался чемпионат мира по футболу. Кто-то пришел и позвал их.

– Не иначе человек-мотылек, – усмехнулся я.

– Это еще кто?

– Американская городская легенда.

Олег скептически улыбнулся.

– Ты вообще во что-то веришь?

Я почесал в затылке.

– Во что-то, наверное, верю.

Где-то за забором завывали шакалы. Их жалобный вой, словно плач ребенка, разнесся далеко по округе. Показавшийся из-за тучи серп луны озарил будку болезненным бледным светом.

– Я думаю, это было божественное вмешательство, – сказал Олег. – С теми солдатами.

– Ты что, стал религиозным?

– Может быть, – он стряхнул пепел.

– И где твоя кипа? Цицит?

Олег пожал плечами.

– Я не еврей. Мне эти девайсы не нужны.

Мы помолчали. Я подумал о том, что история о чуде спасшихся солдатах наверняка одна из тех баек, которыми офицеры пугают новичков.

– Если это правда, почему же нигде об этом ни слова?

– Иди знай. У ЦАХАЛ свои резоны.

– Не сомневаюсь.

Олег махнул на меня рукой.

– Думай что хочешь.

Внезапно ожившая рация прервала наш разговор. В динамике раздался голос дежурного:

– Как дела, парни? Все ок?

– Порядок, – ответил я, – только кондиционер барахлит.

Повисла пауза. Я подмигнул Олегу. Тот поднял большой палец вверх и озорно улыбнулся.

– Разве у вас есть кондиционер? – удивился дежурный.

– Конечно. Ты что, новое распоряжение по базе не читал?

– Нет, – смущенно ответил дежурный. – Ладно, я проверю, кого можно послать.

– Давай. Только мигом.

Я потушил окурок и бросил его на землю.

– Он же сейчас всех перебудит, – испугался Олег.

– Ну, не одним же нам не спать!

– Вечно тебе экшена не хватает! – напарник поднялся на ноги. – Что-то мне в туалет приспичило. Пойду, подумаю о великом.

– Давай. Не усни там.

Олег усмехнулся и быстро спустился вниз. Я помахал ему рукой и перевел взгляд на простирающиеся за забором пески.

Сначала я подумал, что это просто тень от куста акации. Но когда она начала двигаться, сердце вмиг забилось чаще. Весь инструктаж о поведении в экстренной ситуации вылетел у меня из головы.

– Кто там? – крикнул я и схватился за ручку прожектора. Его мощный луч высветил иссушенную, одетую в лохмотья старуху. От испуга и неожиданности я не нашел, что сказать.

Старуха подошла ближе, и я увидел, что все ее руки увиты какими-то скрученными веревками и браслетами. В голове метнулась мысль, что, наверное, это какая-то сумасшедшая.

Внезапно умолкли цикады. Я так привык к их стрекотанию, что не сразу понял, что произошло. Вместе с цикадами стихли и все остальные звуки. Было слышно только хриплое дыхание старухи, в котором миллиарды песчинок терлись друг о друга.

По спине сбегала струйка пота. Я сглотнул застрявший в горле комок и снял винтовку с предохранителя.

Старуха приблизилась к забору. Ее длинные пальцы, словно змеи, обвились вокруг металлического штaketника. Антрацитовые глаза прожгли меня насквозь. Мне, наконец, удалось разглядеть ее лицо. Я подумал, что, наверное, когда-то давно, она была очень красива.

Какое-то гипнотическое чувство, сродни тому, когда смотришь с высоты в пропасть, овладело мной.

– Что тебе нужно? – крикнул я.

Сейчас я думаю, что слышал ответ, но тогда мне казалось, что ее слова прозвучали только в моей голове.

– Ты звал меня, и вот я явилась.

В раскрытое окно будки дыхнуло жаром. Я отпрянул назад и задел стоящую на столике рацию. Она с шумом упала на железный пол.

Когда я вновь взглянул в окно, там уже никого не было. В висках застучало. Дрожащей ладонью я вытер со лба пот.

Старуха исчезла, будто ее и не было. Цикады снова завели свою песню. Все звуки ночи вновь ожили.

– Все нормально? – Олег вернулся через несколько минут с двумя стаканами кофе.

– Все о'кей, – соврал я.

– Что-то на тебе лица нет.

– Просто жара достала.

Олег поставил кофе на столик у окна.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Сахар только забыл.

– Да и черт ним.

В ветвях высокого кипариса прокричала ночная птица. Легкий ветер донес до меня запах цветущего розмарина.

– Дежурный просил передать, что убьет тебя, как только наша смена закончится, – сказал Олег, – он и впрямь разбудил Ицхака начет кондиционера.

– До конца смены еще дожить надо.

Я все еще держал ручку прожектора и рассматривал место, где стояла старуха. На мгновение мне показалось, будто я что-то заметил.

– На что ты уставился? – напарник отхлебнул кофе и тоже посмотрел в окно.

– Подержи-ка секунду, – я отдал Олегу рычаг прожектора и начал быстро спускаться вниз.

– Эй, да что случилось?

– Хочу проверить кое-что.

Я спрыгнул на землю и подбежал к забору. На одном из его опорных столбов висела пожелтевшая от времени веревка с вплетенными в нее кожаными шнурками и костяными бусинами. Эта штука напоминала самодельные браслеты хиппи, только была шире и выглядела так, будто пролежала в песке сотни лет.

Повинуясь какому-то внутреннему порыву, я снял браслет с забора и сунул в карман.

– Все в порядке? – крикнул Олег.

– Да.

Несколько секунд я неподвижно всматривался в темноту, а потом развернулся и поднялся обратно в будку. Олег выключил прожектор и вернул его в исходное положение.

– Ну что там?

– Да ничего, – ответил я, – просто показалось.

Эстер откинула со лба непослушную рыжую прядь и, глядя куда-то вдаль, сказала:

– Давно нужно было решиться. Не понимаю, почему мы столько тянули.

Ее короткое летнее платье сидело точно по фигуре. Белый цвет выгодно контрастировал с ровным, оливковым загаром. Наверное, купила специально к встрече, подумал я.

Отстраненное выражение лица Эстер сводило меня с ума. Хотелось сказать ей что-то резкое, чтобы оно, наконец, исчезло. В голове роились десятки слов, но все они казались глупыми и тяжеловесными.

Мы сидели на скамейке в маленьком сквере на окраине Беэр-Шевы. Мимо шли люди. Все со своими радостями и заботами. Каждый из них, от старика до ребенка, казался мне счастливее нас обоих.

– Так ты подпишешь разводное письмо? – спросила она.

– А есть варианты? – ответил я.

Это прозвучало фальшиво.

Эстер резко посмотрела на меня. Поняв, что это не протест, а лишь форма ответа, она вновь принялась рассматривать кроны акаций.

– Можешь видеться с Леей, когда захочешь. Я не буду этому мешать.

– Хорошо.

– Будет лучше, если ты сам ей все объяснишь.

– Лучше кому?

Кажется, мне, наконец, удалось пробить брешь в ее защите. Она повела бровью и глубоко вздохнула.

– Знаешь, иногда я жалею, что мы не порвали, когда ты только призвался. Уже тогда я понимала, что у нас ничего не получится. Зачем я только допустила все эти бесконечные камбеки?

– Действительно, зачем?

Я достал сигарету и закурил.

Зеленые глаза Эстер сузились. Теперь она рассматривала меня как какое-то докучливое насекомое.

– То есть ты обвиняешь меня?

– Я никого не обвиняю.

Облачко дыма поднялось вверх и поплыло над скамейкой. Луч солнца, пробившийся сквозь листву, упал мне на лицо. Я зажмурился и улыбнулся ему.

– Тебе кажется это смешным?

– Нет, Эстер, мне не так не кажется.

– Тогда чему ты улыбаешься?

– Это просто солнце.

Эстер недоуменно покачала головой.

– Б-же, и что я в тебе нашла?

Я стряхнул пепел и посмотрел на жену.

– Хотел бы я знать.

Наверное, что-то в моем взгляде заставило ее замолчать. Она поправила прическу и потянулась за сумкой. Меня подмывало спросить – не появился ли у нее кто-то, но я промолчал.

– Ладно, мне пора, – Эстер сунула мне визитку. – Это контакты человека в раввинате. Он все объяснит.

Не глядя на визитку, я положил ее в карман. Эстер поспешно встала и одернула платье. Казалось, она ждет каких-то слов, но, возможно, мне только хотелось так думать.

В комнате Леи пахло красками. На стенах висели акварели, выполненные ее детской рукой. Несколько недель назад дочери исполнилось девять. Я и не заметил, как она успела овладеть техникой рисунка и научилась передавать свои чувства с помощью кисти.

Главной темой ее работ были пейзажи Беэр-Шевы – города, в котором она родилась и выросла. Каменистые склоны древних холмов. Небесная лазурь в кронах финиковых пальм. Традиционный бедуинский базар. Рукотворный лес Ятир. Красные крыши частных домов. И, конечно, городские кошки. Эти бездомные бродяги мелькали почти на каждом рисунке. Наверное, потому что, несмотря на бесконечные просьбы Леи, сами мы кошку так и не завели.

Я сидел на краешке детской кровати и пытался отыскать нужные слова.

В голубых глазах ребенка притаился испуг. Дочь чувствовала мое волнение. Оно, словно вирус, передалось и ей. Лея сжимала в руках плюшевую овечку (подарок за хорошую учебу) и внимательно наблюдала за каждым моим движением.

– Понимаешь, дорогая, – начал я, – иногда людям нужно побыть одним. Это не значит, что я не люблю маму. Просто мы слишком устали друг от друга.

Лея посмотрела в окно.

Мгла опустилась на улицы и затопила простирающуюся за окном пустыню. Изогнутые фонари гирляндой обвили соседние холмы. Где-то вдалеке провыла сирена полицейской машины.

– Я понимаю. Но почему так сложно извинится друг перед другом, и перестать, наконец, ссориться?

Я вздохнул и пожал плечами.

Дочка поджала губы и замолчала. Я погладил ее по голове и поцеловал.

– Мне кажется, вы просто не слышите друг друга, – сказала она, – или не хотите слышать. Стрелки часов на стене показывали половину одиннадцатого.

Лее давно пара спать. Обычно уже в десять я дочитывал ей очередную главу из какой-нибудь детской книги и шел в свой кабинет, чтобы доделать работу, которую не успел завершить за день.

– Знаешь, у индейцев есть такая поговорка: чтобы услышать себя, нужны молчаливые дни. Видимо у нас с мамой как раз такой период.

– Может быть, вы еще помиритесь? – с надеждой в голосе спросила Лея.

– Может быть. Но сейчас кому-то пора спать.

Я поднялся с кровати и включил ночник.

– Подожди, – сказала Лея. – Я кое-что нарисовала для тебя.

Не вылезая из-под одеяла, она открыла ящик стола и достала оттуда листок с акварелью.

– Вот, – дочь протянула мне листок, – как-то само нарисовалось.

Я принял ее подарок и поднес к лампе. На фоне песчаных барханов стояла древняя старуха в лохмотьях из мешковины. Ее длинные руки были сплошь увешаны браслетами и обтянуты кожаными ремнями.

Конечно, я сразу узнал ее. На секунду мне даже показалось, что в раскрытое окно вновь дхнуло суховеем. Рисунок чуть не выпал у меня из рук. Видимо, я изменился в лице, и это не скрылось от глаз Леи.

– Тебе не нравится? – спросила она.

– Очень красиво, – медленно ответил я, – но где ты *ее* видела?

– Нигде, – встрепенулась Лея, и в глазах ребенка я прочитал, что она говорит правду. – Просто выдумала.

– Может, расскажешь о *ней*?

Некоторое время дочь молчала, подбирая слова. Видно, они дались ей нелегко, но все же она заставила себя произнести их:

– Это *дыхание пустыни*, – наконец ответила Лея. – *Она* приходит только к тем, кто готов говорить с *ней*.

Я накрыл ребенка одеялом.

– И что же *она* рассказывает?

– Смотря о чем спрашивать. У *нее* тысячи историй. Для каждого – своя.

Я посмотрел на приставленный к окну детский письменный стол и подумал о том, сколько времени дочь провела за ним, глядя на раскинувшиеся за окном пески. Лея, будто уловив мои мысли, виновато пожала плечами.

– Уже слишком поздно, малыш, – сказал я, перед тем как закрыть за собой дверь. – Закрывай глаза и засыпай.

На безлюдной улице было так тихо, что казалось, будто уже далеко полночь. Соседская кошка, неизменная героиня Леиных рисунков, услышала шум моих шагов и спряталась за кустом мимозы.

Я спустился вниз по каменным ступеням и свернул за угол. Старый потрепанный рюкзак слегка оттягивал плечо. Пришлось наскоро впахнуть в него самое необходимое, чтобы хотя бы на пару дней хватило чистой одежды.

Воздух, успевший немного остыть за вечер, наполнился ароматами цветов и плодовых деревьев. Из пекарни, расположенной выше по улице, доносился запах корицы. Работа там стихала разве что на шаббат и еврейские праздники. Уже с ночи кондитеры замешивали тесто, чтобы с раннего утра порадовать горожан свежей сдобой.

Я вышел на перекресток. Возле него светилось уютное окно круглосуточного киоска. Владелец магазина, седой марокканец с серьгой в ухе, завидев меня, приветственно махнул рукой.

По укрепленному под потолком телевизору шел футбольный матч.

– Опять ночная смена? – не отрываясь от экрана, спросил Йоав.

– Вроде того, – соврал я.

Не спрашивая меня, он положил на прилавок пачку сигарет и назвал цену. Я расплатился и положил сдачу в коробку для цдоки.

Йоав пожелал мне приятной смены и начал громко распекать нерадивого вратаря, пропустившего гол.

Дойдя до остановки, я закурил и принялся ждать автобус. Он подошел минут через пятнадцать. Кроме меня в салоне сидела молодая семейная пара и несколько солдат, возвращавшихся на базу. Их усталые, обветренные лица напомнили мне бывших сослуживцев.

Я прошел в середину салона и сел у окна.

За стеклом проплывал охваченный огнями ночной город – некогда южная окраина владений колена Иегуды. В который раз меня захватила мысль о многовековой истории этого перекрестка торговых дорог из Египта в Ханаан. Я думал о том, что всего лишь каких-то пятьдесят лет назад здесь не было ничего, а сейчас – дома. В окнах горит свет. Там живут люди и строят планы, воспитывают детей, верят в то, что посреди выбеленных солнцем камней и раскаленного песка можно быть счастливыми.

Солдаты сошли на железнодорожном вокзале, а молодая пара вскоре после них. Водитель довез меня до конечной. Здесь, в новом квартале, находилась дешевая гостиница, где я рассчитывал провести ночь. Отыскать ее было не сложно. Навигатор быстро вывел меня к нужной улице.

Хозяин, молодой бедуин в современной одежде посоветовал мне лучший, по его словам, номер (постояльцев все равно было немного) и предложил кофе. Я знал, что отказываться не принято, поэтому согласился. Кофе оказался неожиданно вкусным и очень крепким. Терпкий запах кардамона заставил меня ненадолго отвлечься от тяжелых мыслей.

Поблагодарив хозяина, я прошел в номер. Не знаю, был ли он действительно лучшим. Мне на тот момент подошло бы все, что угодно. Кондиционер работал исправно, а из комнаты имелся выход во двор. Прямо за ним начиналась пустыня.

Я бросил рюкзак на кровать и достал из него Леин рисунок. Теперь у меня появилось время более детально рассмотреть его. Первый раз, из-за волнения, я не смог этого сделать. Все совпадало. Каким-то образом Лея воспроизвела образ старухи, который отложился в моей памяти.

Курить в номерах запрещалось, поэтому пришлось выйти на улицу. Я присел на оставленный на веранде стул и достал сигарету. Молча покрутил ее в пальцах и чиркнул спичкой. Дым приятно обжег горло, и я пожалел, что так быстро допил кофе. Сейчас он бы пришелся кстати.

Стрекот цикад воскресил в моей памяти ту странную ночь на военной базе. Все прошедшие после этого годы я не переставал думать, почему старуха сказала тогда, что я звал ее? Кем она была и чего хотела?

Теперь к этим вопросам добавился еще один: как дочь добилась такого потрясающего сходства?

О том, что случилось много лет назад, она знать не могла. Даже Эстер была в неведении.

Я затыкнул и стряхнул пепел. Впервые за многие годы мне захотелось взглянуть на оставленный старухой амулет. Я вытащил из внутреннего кармана куртки тряпичный сверток и развернул его. Браслет выглядел так, будто я нашел его только вчера – время было не властно над ним.

В памяти сам собой всплыл текст сообщения, которое я писал Эстер той ночью. Повинуясь внезапному порыву, я затушил сигарету и набрал на телефоне слова, которые тогда так и не отправил.

Аппарат завибрировал. На дисплее высветился отчет, что сообщение доставлено.

Меня охватила уверенность, что сделай я это десять лет назад, все могло бы сложиться иначе. Легкий порыв ветра растрепал мои волосы. Я глубоко вздохнул и надел браслет на руку.

Звуки стихли. Не было слышно ничего, кроме шума пересыпающегося песка.

Она появилась из ниоткуда. Но на сей раз я не испугался.

«Одежда для пустоты»

Орен проснулся от собственного крика.

Сел на кровати. Обвел комнату рассеянным взглядом. Вытер выступивший на лбу пот.

Сердце билось так часто, что казалось, еще немного и взорвется. Свет фар от проехавшей под окнами машины скользнул по стенам и выхватил из темноты армейскую фотографию в простой деревянной рамке.

На лицах сослуживцев защитная краска. В руках укороченные винтовки для ведения боя в городских условиях. Сам Орен сосредоточен. Показывает пальцем куда-то в сторону покрытых зеленью гор, и смотрит на солдата с рацией за плечами.

Почувствовав его волнение, Майя тоже открыла глаза.

– Снова тот же сон? – спросила она.

Орен кивнул. Потянулся к тумбочке, где лежали таблетки, но случайно задел стакан с водой. Тот с шумом упал на пол и разбился. В детской тотчас заплакал ребенок.

Майя включила ночник. Поднялась с кровати.

– Ничего, – тихо сказала она. – Я укачаю.

– Хорошо, – согласился Орен.

Он откинул одеяло и начал собирать осколки.

Колыбельная Майи напомнила ему детство. Слова давно забылись, но мелодия, словно одинокая бабочка под холодным лучом осеннего солнца, все еще жила в голове.

Завернув осколки в газету, Орен вышел на балкон.

На старой, разошедшейся от жары полке лежала пачка дешевых сигарет. Он закурил. Дым поднялся в небо и, превратившись на миг в дракона, растаял в подсвеченной софитами вышине. Внизу пульсировали огнями улицы большого города.

Это была Майина идея – сразу после свадьбы переехать в Тель-Авив. Орен понимал, здесь больше возможностей, но душой был привязан к северу. Ему, выросшему среди галилейской тиши, так и не удалось привыкнуть к духоте, загазованному воздуху и вечному шуму. Он надеялся, что когда-нибудь они переберутся в горы. Может быть, в Маалот или Цфат. Туда, где зимой выпадает снег, а в синих сумерках слышны крики перелетных птиц.

Через несколько минут Майя вернулась. Принесла покрывало. Накинула Орену на плечи.

– Ночи стали холодными.

– Да, спасибо. Как там малыш? Уснул?

– Да. Я подогрела молока, но он не захотел. Наверное, зубы.

Громяхая на ямах, по улице проехал грузовик. Орен затыкнулся и подумал о том, как в таких условиях выживают жители нижних этажей.

– Ты ведь больше не поедешь туда? – Майя откинула длинные темные волосы и внимательно посмотрела на мужа.

Орен не ответил. Вздохнул и отвел взгляд в сторону.

Майя покачала головой.

– Ты даже не представляешь, – ее голос внезапно задрожал, – каково это – каждый раз снова выслушивать его родителей! Они опять будут звонить и просить, чтобы ты больше не приходил. Однажды я просто пошлю их к черту!

– Я не могу не поехать, – Орен затушил сигарету. – Ты ведь знаешь.

В поезде работал мощный кондиционер. Благодаря этому царящая снаружи жара казалась просто кадром из документального фильма.

Мальчишка, сидящий напротив Орена, вынул из рюкзака пакет чипсов и открыл бутылку колы. Его мама, аккуратная маленькая женщина, похожая на статуэтку из сандалового дерева, прислонилась к окну и дремала.

Поезд выехал на участок дороги, проложенной вдоль моря.

Орен подумал, что оправленные серебром опалы в кольцах его попутчицы светятся таким же сине-зеленым цветом, как набегающие на берег волны.

Через несколько минут машинист объявил остановку. Парящие над водой паруса виндсерферов скрылись из виду, а соседка Орена открыла глаза – цвета горчичного меда – и засобиралась. Она вытащила из-под сиденья сумку на колесиках и, подгоняя сына, направилась к раздвижным дверям. Мальчишка проворно запихнул в рот остатки чипсов, а недопитую колу взял с собой.

Орен проводил их взглядом. В этот момент в вагон зашел молодой раввин в загнутой к полу шляпе и выпущенной наружу рубашке. Огненно-рыжая борода и смеющиеся голубые глаза сразу выделяли его из толпы. Проходя между рядами, он предлагал мужчинам исполнить заповедь «тфилин» и прочитать отрывок из «Шма». На вид ему было лет двадцать пять, может чуть больше.

Когда он подошел достаточно близко, Орен смог уловить легкий американский акцент.

– Ты возлагал сегодня тфилин? – спросил раввин.

– Нет, – признался Орен.

– Тогда у тебя есть возможность сделать это прямо сейчас.

– Как-нибудь в другой раз.

– Это важнейшая заповедь Торы.

– Да, но я не готов.

Раввин поправил шляпу и почесал затылок.

– Ладно, – он достал визитку и протянул ее Орену. – Вот мой номер. Позвони, если вдруг захочешь поговорить.

Орен взял карточку. На ней было написано «Рахмиэль Глуховски», а внизу шрифтом поменьше указан адрес и телефон.

– Ты американец? – зачем-то спросил Орен.

– Нет, я из Аргентины.

Рахмиэль улыбнулся и двинулся дальше. Через минуту он уже объяснял что-то группе тель-авивских студентов и наматывал тфилин самому громкому из них.

За высоким каменным забором виднелась крыша большого двухэтажного дома. Орен подошел к кованым воротам и прислушался.

На лужайке царила тишина. Расставленные на террасе кресла и шезлонги пустовали. Лишь нагретая на солнце ящерица лениво поглядывала на незваного гостя.

Сквозь закрытые окна не доносилось ни звука. Казалось, хозяева уехали и не показывались несколько дней. Какая-то часть Орена даже обрадовалась.

Тонкий голосок внутри зашептал: раз так, можешь спокойно уходить. Никто тебя не обвинит.

Усилием воли Орен заставил себя нажать на звонок.

Где-то внутри дома раздалась электрическая трель. Вслед за ней заливистый собачий лай. Орен удивленно повел бровями. В последний визит собаки не было.

Щелкнул электрический замок. Ворота медленно распахнулись, пропуская Орена на участок.

На пороге дома показалась средних лет женщина с распущенными каштановыми волосами. Длинный, весь в катышках, шерстяной кардиган, укутывал ее словно кокон.

Увидев Орена, она сузила желтые кошачьи глаза и изменилась в лице. Не удостоив гостя ни единым словом, женщина вернулась в дом.

В открытую дверь тут же проскочил золотистый ретривер. Завилял хвостом. Подбежал к воротам.

– Привет, – сказал Орен. – Дуду дома?

Пес гавкнул и склонил голову набок, будто хотел получше расслышать вопрос.

Вслед за женщиной к дверям подошел ее муж, похожий на высушенную ветку. Такой же серый и безжизненный.

Мужчина взглянул на Орена и глубоко вздохнул:

– Только недолго.

Орен прошел внутрь. Ретривер последовал за ним.

– Спасибо. Сегодня ...

– Я помню, – прервал его хозяин. – Тебе не обязательно постоянно говорить об этом. Раз уж ты здесь, значит так и есть.

Орен поравнялся с женщиной и протянул ему руку. Тот крепко пожал ее в ответ.

– Он за домом.

В тени кипарисов, растущих на заднем дворе, стоял маленький деревянный стол. На его потрескавшейся поверхности выстроились ровные ряды белых фигурок-оригами. Кого среди них только не было: люди, животные, птицы, летающие и ползающие насекомые, даже грифоны и единороги.

За столом сидел мужчина с тронутыми серебром висками. Он был настолько увлечен складыванием новой фигурки, что не заметил, как Орен подошел. Только когда ретривер подбежал к столу и громко гавкнул, тот отвлекся и поднял на гостя удивленный взгляд.

– Привет, Дуду! – сказал Орен.

– Привет, – ответил мужчина и поставил на стол фигурку богомола.

– Смотрю, ты стал настоящим мастером.

– Да?! Ты думаешь?

– И думать нечего. Говорю тебе!

– Хм, спасибо.

Дуду улыбнулся и изучающе посмотрел на Орена.

– Ты из службы социальной защиты?

– Нет. Я твой армейский друг.

– Ты, должно быть, ошибся, – Дуду развел руками. – Я никогда не был в армии.

Орен вытащил из рюкзака шуршащий бумажный пакет и поставил его перед собеседником.

– Я принес тебе «меринду» и бурекасы с грибами.

– О, это мои любимые.

– Я знаю, – сказал Орен и присел на свободный стул.

– Откуда?

– Несложно запомнить за несколько лет службы.

– Не хочу тебя обижать, – ответил Дуду, – но ты точно меня с кем-то путаешь.

– Каждый год одно и то же, – вздохнул Орен.

– Каждый год?

– Твоим родителям не нравится, что прихожу сюда, – сказал Орен. – Они считают, это плохо отражается на твоём состоянии. Поэтому мы видимся только раз в году. В день памяти наших друзей.

Дуду пожал плечами.

– Послушай, я сочувствую. Но я даже не знаю, как держать оружие.

– Да уж, стрелок из тебя тот еще.

Орен замолчал и подумал: а что если его собеседник прав? И это не Дуду сошел с ума и потерял память, а он сам? Что, если сидящий перед ним человек это лишь оболочка, а настоящий Дуду навсегда остался там? С теми, кто не вернулся. А после того, как его душа отлетела, в этой оболочке поселился кто-то другой. Тот, кто, действительно, никогда не был на войне.

Эта мысль настолько испугала Орена, что, несмотря на жаркий день, он побледнел. По коже пробежались мурашки.

– Ты был связистом. Шифровальщиком.

– Шифровальщиком? – по лицу Дуду скользнула тень.

С гор налетел легкий ветер и смел со стола несколько бумажных фигурок. Ретривер проводил их взглядом и положил голову на колени Дуду.

– Откуда у тебя пес? – спросил Орен.

– Он просто появился здесь несколько дней назад. Наверное, потерял хозяев и решил остаться у нас. А может, его бросили. Кто знает? – Дуду запрокинул голову и посмотрел на летящий по небу самолет. – Мы расклеили объявления, но никто так и не позвонил.

Орен помолчал и окинул взглядом поверхность стола.

– Почему оригами? Что ты в этом нашел?

Дуду не ответил. Молча взял со стола богомола и помощью нескольких ловких движений за пару минут сделал из него журавля.

– Держи!

Орен улыбнулся и принял подарок.

– Спасибо.

– Мне нравится, что из любой фигурки можно сделать что-то новое. Абсолютно непохожее на то, что было до. Неизменным остается только лист бумаги, а формы меняют друг друга, как одежды.

– Одежды для кого? – удивился Орен.

– Не знаю, – Дуду пожал плечами. – Может, для пустоты?

На старый Яффо тихо опустился вечер. Огненно-красное солнце закатилось за горизонт и утонуло в темных водах средиземного моря. В ультрамариновом небе взошли первые звезды. На набережной зажглись фонари.

В маленьком прибрежном ресторанчике стоял шум и гам. Свободных мест почти не осталось. Жители города, уставшие от рабочего дня, оккупировали все, даже самые неудобные столики. В открытые окна дул легкий бриз, принося с собой ощущение чистоты и чуть слышный запах водорослей.

На праздничном столе, за которым собрались родственники и друзья Майи, стояли свежие цветы. Горели свечи.

– Мазл тов, дорогая, – сказал отец именинницы и поднял пузатый стакан с виски. – Будь счастлива и радуйся каждому новому дню! Желаю, чтобы в твоём доме всегда звучал детский смех, а тучи обходили его стороной. Но если какая-нибудь все же набезит, пусть она принесет с собой лишь приятную прохладу и никогда не закрывает солнце!

– Лехаим, лехаим! – хором ответили гости.

– Спасибо, папа, – Майя сделала большой глоток вина. – Это замечательный тост! Надеюсь, все так и будет.

Она повернулась к Орену и шепнула ему на ухо:

– Вот что значит двадцать лет в журналистике.

– Цви, когда ты, наконец, напишешь роман? – Орен обвел гостей рукой. – Все уже устали ждать!

– Это точно, – подтвердила теща. – Дорогой, пора тебе всерьез браться за перо.

– Ну-у, – тещь повел плечом и отправил в рот кусок запеченной рыбы, – есть у меня пара задумок, но пока только на уровне идей. Не уверен, что кому-то они будут интересны.

– Ты недооцениваешь себя, – сказал Майин старший брат Идо, высокий крепкий парень с глазами цвета черного янтаря. – Я помню тот рассказ про Хагану. Он ничего.

– Ничего? – вскинулась Нурит, яркая шатенка, сидящая рядом с ним. – По-моему, очень сильная вещь!

Майя благодарно посмотрела на девушку.

– Ну а я что сказал?! – Идо растеряно пожал плечами.

– Ты сказал: «ничего».

– Эта определенно нравится мне больше, чем та, что была до, – шепнула Майя.

Орен хмыкнул и согласно кивнул.

– Милая, я хочу сказать тост за твою семью, – Шира, школьная подруга Майи, постучала вилкой по бокалу, призывая всех к вниманию. – Вы с Ореном прекрасная пара. Держитесь друг друга. Пусть чувства, которые вас связывают, крепнут день ото дня!

– Спасибо Шира, – Майя широко улыбнулась. – Будем работать над этим.

Орен осушил свой бокал и утащил со стола пару оливок.

– Кто-то обещал, что сам поведет машину, – сказала Майя, вопросительно глядя на мужа.

– Закажем такси.

Орен откинулся на спинку стула и сделал знак официанту у барной стойки. Тот подмигнул и в ту же секунду в ресторанчике потух свет.

Через мгновение из комнаты для персонала вышел директор ресторана. Он нес большой поднос с тортом, уставленным горящими свечами. Гости хором запели «С днем рождения, Майя».

Сидящие поблизости посетители заулыбались.

Майя всплеснула руками и восхищенно посмотрела на Орена.

– Поздравляю, дорогая! – сказал он. – Хватит сил задуть с первого раза?

– Попробую. Если что, поможешь.

Майя набрала полные легкие воздуха и с силой подула на свечи. Помогать ей не пришлось.

Вечер пролетел незаметно. Несмотря на то, что утром всем предстояло рано вставать, гости разошлись только к ночи.

Пока официант резал оставшийся торт и аккуратно раскладывал его по контейнерам (чтобы каждый мог взять с собой по куску), Орен пил крепкий молотый кофе и думал о том, что уже давно не видел жену такой раскованной и счастливой.

Уходя, Цви похлопал его по плечу:

– Молодец, сынок. Мы очень рады за вас.

– В выходные ждем на гриль, – сказала теща. – Цви купил какую-то новую жаровню и ему не терпится накормить всех своими фирменными стейками.

– Вовсе не обязательно раскрывать всем мои секреты, – буркнул Цви.

С улицы донесся сигнал подъехавшего такси. Родители Майи поспешили к выходу.

– Спасибо за чудесный вечер, – сказала Майя, когда за столом не осталось никого, кроме нее и Орена. – Давно мы так не сидели.

На столе завибрировал мобильный телефон.

– О, это наш, – она приняла вызов и попросила таксиста подъехать к входу.

Обходительный пожилой водитель вез их по узким улочкам старого города. Мимо проносились дома и парки, яркие вывески магазинов, шумные и многолюдные площади. В колонках чуть слышно играла какая-то ретро-волна, вызывавшая в памяти кадры из старых черно-белых фильмов.

Несмотря на поздний час, людей в центре меньше не стало. Спешащих по делам менеджеров сменила празднующая молодежь, богема и люди творческих специальностей.

Устав разглядывать огни ночного города, Майя задремала. Орен обнял ее и подумал о том, что, если в этот час посмотреть на город с высоты птичьего полета, он, наверное, будет похож огромную микросхему.

На очередном перекрестке радио эфир наполнился помехами. Загорелся красный и такси остановилось у светофора.

– Что за черт?! – возмутился водитель.

Он попробовал переключить приемник на другую волну, но и там, вместо песни слышалось лишь шипение.

Несколько подростков перебежали дорогу. Прошла минута. Может, и больше, а зеленый все не включался.

Орен зевнул и потер глаза. От скуки он огляделся по сторонам и увидел, как на перекресток выехал большой грузовик.

Мощный свет фар скользнул по придорожным кустам, словно прожектор. На мгновение Орену показалось, будто на обочине сидит *тот самый* золотистый ретривер.

Наконец, включился зеленый. Водитель облегченно вздохнул и тронулся с места.

Орен обернулся, пытаясь понять, не привиделось ли ему, но тьма надежно укрыла придорожную насыпь. И он не увидел ничего, кроме дорожного знака, тающего в заднем стекле автомобиля.

– Все в порядке? – Майя взяла Орена под руку и уткнулась подбородком ему в плечо. – О чем задумался?

– Все отлично, – Орен нажал на кнопку нужного этажа, и лифт понес их наверх. – Просто немного устал.

Зайдя в квартиру, Майя, расспросила няню о том, как прошел вечер, не плакал ли ребенок, что ел. Та подробно ответила на вопросы, взяла деньги и тихо закрыла за собой дверь.

Майя чмокнула Орена в нос и зашла в ванную.

– Я быстро.

– О'кей. Сварю пока кофе.

– Няня сказала, что в холодильнике осталась лазанья, – сказала она из—за двери. – Разогрей, если хочешь.

– Нет, с меня на сегодня хватит.

Орен прошел на кухню. Взял турку. Покрутил ее в руках и вернул обратно на место.

Из ванной донесся шум льющейся воды.

– Да к черту. – Мужчина достал из шкафчика початую бутылку бурбона и плеснул немного напитка на дно низкого тяжелого бокала. Не раздумывая, залпом опрокинул в себя содержимое.

По телу мгновенно разлилось приятное тепло. Картинка с сидящем на обочине ретривером задрожала и истончилась.

Наверное, просто показалось, подумал Орен и налил еще.

Прихватив с собой бокал, он прошел в спальню и сел в кресло.

Мягкий свет ночника бросал на стены причудливые тени. Словно чьи-то изломанные руки тянулись к окну, за которым горел полный диск луны. Под армейской фотографией стояла одинокая фигурка бумажного журавля.

Орен отпил из бокала. Мысли унесли его в прошлое. В тот жаркий летний день, когда он выносил Дуду из зоны обстрела. Все остальные навсегда остались лежать *там*. У подножия зеленых ливанских гор. Их тела, вернее то, что от них осталось, так и не вернули родным, несмотря на долгие переговоры и все усилия разведки.

Майя открыла дверь и вышла из ванной. Неровное пятно света легло на пол. Орен видел, как жена, напевая себе под нос какую-то мелодию, подошла к зеркалу, взяла расческу. Полностью привести волосы в порядок она не успела – раздался телефонный звонок.

Орен прислушался. Дурное предчувствие накатило, словно приступ тошноты, и застряло комом где-то посередине горла. Из коридора донеслись обрывки слов, но в глубине души Орен уже *знал*, и от этого осознания все его тело сковало холодом.

Закончив говорить, Майя положила трубку и какое-то время не трогалась с места. Потом медленно повернулась и посмотрела на мужа. Слов не понадобилось. Все и так читалось в ее глазах. Она прошла в комнату и села на кровать.

– Дуду...

Это прозвучало так тихо, будто она боялась спугнуть выходящих возле светильника мотыльков.

– Когда человек хочет кричать и молчит, это и есть настоящий крик, – сказал Рахмиэль и взглянул на раскинувшееся до горизонта море.

Орен глубоко затаился и стряхнул пепел.

– Кто это сказал?

– Один цадик.

– Похоже, понимал, о чем говорит.

Рахмиэль согласно кивнул.

По прибрежному шоссе проехал школьный автобус. Молодой раввин улыбнулся и помаhal детям, прильнувшим к окну. В ответ те начали строить смешные рожи и показывать язык. Когда автобус скрылся из виду, Рахмиэль снял шляпу и положил ее на скамейку.

– Не думал, что еще увижу тебя.

Орен выпустил в воздух облако дыма.

– И я не думал, что позвоню.

– Ты так и не рассказал, чем закончилось.

– Да, – согласился Орен. – В то утро мы зашли глубоко в тыл и попали под обстрел. Радист, как и я, видел смерть всего отряда. В штабе потом объяснили, что Дуду не перенастроил рацию. Из-за этого мы и пропустили все предупреждения. Не знаю, понимал ли это Дуду, перед тем, как словить пулю. Как бы там ни было, когда он, наконец, открыл глаза... это уже был не он. Диагноз я так и не запомнил. У мозгоправов, конечно, на все свое объяснение, но я думаю, он просто не смог простить себя.

По безлюдному побережью медленно проехался желтый трактор, который собирал разбросанный на пляже мусор. Купальный сезон подошел к концу, поэтому, по сравнению с жаркими летними днями, работы у водителя значительно поубавилось.

Рахмиэль молчал. То ли подбирал слова, то ли ждал, когда Орен выговорится. В высоком бирюзовом небе светило солнце. Его яркие лучи тонули в перистых облаках и окрашивали их в насыщенный сливочный цвет.

– Дуду сказал родителям, что пойдет в киоск, – продолжил Орен, – купить корм собаке. А на самом деле отправился на скоростную трассу. – Орен затушил сигарету. – По словам водителя грузовика, все произошло так внезапно, что он даже не успел нажать на тормоза.

Рахмиэль замолчал.

– Так ты был на похоронах? – спросил он после небольшой паузы.

– Приехал только после того, как все разошлись.

– Ясно.

Орен потер виски.

– Думаю, Дуду сделал это специально.

Раввин несогласно мотнул головой.

– Наверняка ты знать не можешь.

Орен сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей. Сунул руку в рюкзак. Достал бумажного журавля.

– Это тебе, – он передал раввину фигурку и поспешно поднялся со скамейки. – Спасибо, что нашел время.

– Постой, – остановил его Рахмиэль. – Может, поучимся как-нибудь?

Орен посмотрел на волны, накатывающие на огромные прибрежные камни, и спросил:

– А у того цадика, про которого ты говорил, много книг?

– У того ни одной.

– Почему?

– Такой уж был человек. Уничтожал свои записи. Утром пытался вместить все знания в одну страницу, а вечером понимал, что это невозможно.

Орен улыбнулся.

– Дуду бы он понравился.

«Дождь в туговой роще»

В кабинете доктора Голдин работал кондиционер. После уличной жары здесь дышалось легко и свободно. Солнце почти не проникало внутрь. Плотные рулонные шторы задерживали его свет и отгораживали кабинет от остального мира.

Марк слушал доктора и разглядывал висящие на стене фотографии. Глядя на пустынные морские пейзажи, мужчине начинало казаться, что еще немного, и легкий морской бриз коснется кожи, а из-за гигантских, обкатанных водой валунов покажется парус рыбацкой лодки.

– Регине необходим покой, – сказала доктор Голдин. – Старайтесь избегать любых стрессовых ситуаций. Будет лучше, если вы переберетесь подальше от городской суеты. В тихое место, где она сможет больше бывать на воздухе.

– Мы думали об этом, – Марк отвлекся от фотографий. – Даже объездили несколько мошавов на севере, но пока ничего не нашли. Я сильно привязан к работе, а эти поездки... Просто не знаю...

– Решать, конечно, вам. – Доктор взяла с рабочего стола несколько альбомных листов и протянула их Марку. – Вот рисунки Регины за последнее время. Посмотрите. О чем они говорят вам?

Мужчина приподнялся со стула.

– Ну-у, – он пожал плечами, – на них почти нет светлых тонов.

Доктор Голдин покачала головой. В уголках ее темно-оливковых глаз появилась сетка морщинок.

– По рисункам гораздо легче судить о состоянии человека, чем по письму. Независимо от себя, мы выбираем те цвета, которые больше всего соответствуют нашему внутреннему состоянию. Этот признак никогда не обманывает.

Марк вздохнул и вернул рисунки на стол.

– Регина очень талантливый ребенок, – продолжила доктор. – У нее большой шанс адаптироваться, но для выздоровления необходимо проделать огромную работу. От вас требуется максимум терпения и понимания.

– Мы стараемся...

– Не думали завести домашнее животное? Собаку или, может быть, кошку?

– Это имеет значение? – удивился Марк.

– Просто ответьте.

– Нет. Хозяин квартиры категорические против.

Доктор кивнула и записала что-то в медицинскую карту.

– Слышали про пет-терапию?

– Нет, – честно признался Марк.

– Это обобщенное название методов лечения с помощью домашних животных. Помогает при различных нарушениях мозговой деятельности, в том числе и при аутизме, – женщина поправила очки. – Мало кто может объяснить, как точно это работает, но практически все исследователи сходятся в одном – постоянное общение с животными значительно снижает уровень тревожности у пациентов.

– То есть вы предлагаете нам завести собаку?

– Хотя бы постарайтесь чаще ходить с Региной в зоопарк. Есть так называемые контактные зоопарки. Там позволяют гладить и кормить животных.

– Попробуем что-то найти.

– Жду Регину через неделю, – психолог выписала рецепт и протянула Марку. – Не забывайте про лекарства.

– Спасибо. – Марк поднялся со стула и положил рецепт в карман рубашки.

Уже в дверях доктор окликнула его:

– И еще одно.

– Да?!

– Не давите на нее.

Марк кивнул.

– Конечно.

– Уверена, однажды Регина заговорит. Просто позвольте времени сделать свою работу.

По извилистому шоссе ехал старый, груженный чемоданами универсал. За рулем сидел Марк. Мимо изредка проносились встречные машины. Навигатор, закрепленный над панелью приборов, показывал, что до места назначения осталось чуть менее получаса.

Вдалеке, у самого горизонта, возвышались живописные, поросшие соснами горы. Низкие чернильные тучи цеплялись за их вершины и накрывали долину густой тенью. Из пустынных ущелий поднимался туман. Воздух пах приближающейся грозой.

Рядом с Марком сидела его жена Лея – стройная молодая женщина, одетая в темные зауженные джинсы и просторную майку. Вокруг талии серая толстовка с капюшоном, а на ногах разношенные кроссовки. Немного великоватые, но – «специально для вылазок за город, чтобы можно было надеть на теплый носок». Густые темно-каштановые волосы женщины аккуратно собраны в хвост. Усталые глаза, цвета молодой пшеницы, опущены вниз. На коленях Лея держала новенький ридер в стильном замшевом чехле. При резких подъемах или на крутых поворотах она отрывалась от дисплея и переводила взгляд на окно.

Сзади устроилась девочка лет десяти. Легкий летний сарафан еле держался на ее худых, угловатых плечах. На лице, вокруг пронзительных голубых глаз, пламенела россыпь веснушек. Непослушные рыжие волосы стягивал простой пластмассовый ободок. В руках девочка держала потрепанного плюшевого зайца.

Незнакомый маршрут заставлял ее волноваться. Она тревожно озиралась по сторонам и быстро раскачивалась взад-вперед. Иногда устав от скрипа, Лея оборачивалась назад, гладила дочь по голове и говорила:

– Потерпи, Регина. Осталось чуть-чуть.

На одном из поворотов девочка достала из рюкзака блокнот и принялась что-то писать. Закончив, Регина протянула блокнот Лее.

Женщина пробежала взглядом по строкам и прочла вслух:

– Ронни говорит, что устал. Его тошнит. Он хочет домой.

– Скажи Ронни, чтобы не капризничал, – Марк посмотрел в зеркало заднего вида. – Он же вольный заяц, а не изнеженный домашний кролик.

– Но если ему станет совсем уж немого, мы остановимся и немного подышим, – сказала Лея и вопросительно посмотрела на мужа. – Правда ведь, папа?!

– Конечно, – ответил Марк. – Только тогда я потеряю всякое уважение к этому лопухому.

Девочка нахмурилась и прижала зайца к груди. Марк подмигнул жене. Женщина чуть заметно улыбнулась и подперла подбородок рукой.

Через какое-то время универсал свернул с основного шоссе на второстепенную дорогу, проложенную через лес гигантских фикусов. С их мощных ветвей к земле тянулись длинные, перекрученные лианы. Достигая почвы, они укоренялись и превращались в новые стволы.

Регина перестала раскачиваться и уставилась в окно. Вскоре они проехали уютную плющом арку, означающую въезд в поселок.

– Охраны нет? – удивилась Лея.

– А кого тут бояться? – спросил Марк. Он отключил навигатор и сунул его в бардачок. – Кабанов? Шакалов?

Женщина отстегнула ремень безопасности.

– И все же странно.

Из-за стены деревьев показались крыши частных домов. Асфальт под колесами сменился тротуарной плиткой. Вдоль обочины замелькали разросшиеся кусты бугенвиллий и роз. Терпкий, дурманящий аромат наполнил салон. Через несколько минут машина остановилась у небольшого, окруженного широким участком земли, коттеджа.

– Приехали, – сказал Марк и заглушил мотор.

Регина проворно открыла пассажирскую дверь, и первая подбежала к дому. Девочка посадила зайца на подоконник, уткнулась носом в окно и принялась рассматривать интерьер просторной современной кухни.

– Ого! Даже лучше, чем на фотках, – Лея восхищенно оглядела коттедж.

– Рад, что тебе нравится, – сказал Марк. – Хозяин работает в заповеднике Хула. Изучает перелетных птиц, – мужчина отстегнул ремень. – Ему, в общем, фиолетово, останемся мы на неделю или на месяц. Оплата по факту.

– То есть сколько проживем, столько и заплатим?

– Вроде того. Есть небольшой аванс, но в целом – так.

– Звучит заманчиво, – Лея выключила ридер и вышла из машины. – Вау, а воздух-то какой!

– Представляешь, раньше на этом месте было болото, – сказал Марк. Он поставил машину на ручной тормоз и тоже выбрался из салона.

– Не может быть, – женщина недоверчиво посмотрела на мужа.

– Всего каких-то пятьдесят лет назад.

Лея отвязала толстовку и накинула ее на плечи.

– А прохладно.

– Да. Не Эйлат. – Марк подошел к багажнику и принялся доставать оттуда бумажные пакеты с продуктами. – Зимой бывает и снег.

Лея поежилась.

– Непривычно как-то... Для наших-то палестин.

– В доме даже есть старая чугунная печь. – Марк взял несколько пакетов и направился к входу.

– Буржуйка, что ли?

– Ага. Настоящий раритет.

Лея покачала головой и вытащила из багажника большую спортивную сумку.

– Не надрывайся, – крикнул ей Марк. – Сам перетащу.

– Да ладно, – не послушалась Лея. – Здесь только белье. – Она накинула сумку на плечо и подняла взгляд на поднимающиеся из-за гор тучи. – Кажется, будет дождь.

– Ну и отлично. Вот и испытаем буржуйку.

Лея улыбнулась и поспешила к дому.

– Регина, иди к нам, – позвала она. – Посмотрим, что там внутри.

Дверь открылась не сразу. Марку удалось справиться с ней только после второй попытки.

– Забыл, что нужно немного надавить плечом, – объяснил он, пропуская семью внутрь.

В доме уютно пахло книгами. Вдоль стен стояли массивные стеллажи, заставленные томами по орнитологии. На свободных от книг полках хозяин аккуратно расставил простые деревянные рамки с рисунками и фотографиями редких птиц Галилеи.

Марк и Лея прошли на кухню. Включили свет. Мужчина поставил пакеты на широкую столешницу и приоткрыл окно. Регина немного покрутилась возле стеллажей, а потом забежала в салон и взобралась на кожаный диван – старый и потертый, словно выдавший виды дорожный саквояж. Зайца она посадила рядом с собой.

Как тебе дом? – спросил Марк, разбирая пакеты.

– Ну-у... – Лея на секунду задумалась. – Очень атмосферный.

– Это хорошо или плохо?

– Мне нравится.

– Отлично, – просиял Марк. – Сварю-ка я кофе.

Пока он возился с туркой, Лея сняла с крючка разделочную доску и положила на нее хрустящий багет. Кухня тут же наполнилась приятным запахом хлеба. Нарезав бутерброды, женщина быстро помыла овощи и сделала салат. Они отнесли еду в салон и уселись рядом с Региной.

– Поешь что-нибудь, – Лея придвинула дочери тарелку. – Вот бутерброд с туной, вот с сыром.

Регина выбрала с сыром и нехотя откусила кусок. Марк поставил перед женой чашку кофе, а дочери налил сок.

– Твой любимый, – пояснил он. – Вишневый.

Сок девочка выпила.

– Никогда бы не подумала, что в Израиле есть что-то подобное, – Лея хрустнула яблоком и указала пальцем на темневшую в углу печку. – Представляешь, письмо в Россию: «На улице холод. Отогреваемся у буржуйки, но дрова на исходе».

– Подумают, чокнулись, – хмыкнул Марк.

Лея обернулась к дочери и принялась укладывать ей волосы.

– Ну а ты что скажешь, малыш? Тебе здесь нравится?

Регина посмотрела на мать и жестом объяснила, что ей нужен блокнот. Марк сходил к машине и через минуту вернулся с рюкзаком. Регина тут же достала блокнот и, перелистнув страницу, написала:

– У Ронни здесь нет друзей.

– Может, стоит осмотреться повнимательнее? – предложил Марк. – Вдруг найдется кто-то подходящий?

Лея удивленно посмотрела на мужа.

– Ты, кстати, не знаешь, – спросил он, – ладят ли зайцы с кошками?

– С кошками?! – по лицу Леи пробежала улыбка.

– Да, – Марк поднялся с дивана и подошел к раздвижной стеклянной двери, ведущей на веранду. – Например, с рыжими?!

– Насчет рыжих точно сказать не могу, – женщина почесала кончик носа. – Но вот с черными... – она серьезно посмотрела на дочь. – Думаю, точно нет.

Регина согласно закивала.

Марк распахнул дверь и вышел на веранду. Свежий, настоящий на ароматах трав воздух, ворвался в комнату. Мужчина облокотился на перила и огляделся.

– Кс-кс-кс... – позвал он.

Из-за раскидистых кустов олеандра, тотчас показалась рыжая, как опавший кленовый лист, кошачья морда. Мужчина поманил кота снова. Тот послушно подбежал ближе и заинтересованно заглянул в комнату.

– Знакомьтесь, – сказал Марк. – Мордехай. Временно управляющий домом.

– Мордехай? – переспросила Лея.

– Для своих Мотя. Но это только после миски молока.

Кот мяукнул и прошмыгнул внутрь.

– После сосиски готов отзываться на Мотьку, – пояснил Марк.

– Ага, – сказала Лея. – А как же он тут один?

– Он не один. У него соседи добросердечные есть.

Мордехай вальяжно прошелся по ковру, запрыгнул на диван и по-свойски уселся рядом с Региной. Глаза девочки расширились от изумления. Она улыбнулась и осторожно положила руку на голову кота. Тот довольно замурлыкал, позволяя себя погладить, и повернул нос в сторону тарелки с бутербродами.

Тяжелые капли дождя ударили по крыше. Воздух наполнился водяной взвесью и запахом озона. Темные небеса озарились вспышкой. Через несколько мгновений за горами громыхнуло так, что у некоторых припаркованных в мошаве машин сработала сигнализация.

– Ничего себе, – сказала Лея, выпуская изо рта облако сигаретного дыма.

Марк посмотрел на небо и поежился.

Они сидели на веранде и наслаждались видом разросшейся тутовой рощи. На маленьком, раскладном столике стояла миска, полная белых, приятно пахнущих ягод.

Начало смеркаться. В окнах соседних домов загорелись огни.

– Ливень в горах... Чем не начало для хокку? – сказал Марк и посильнее укутался в плед. – Вспомнить бы хоть одно.

Новый раскат грома вновь сотряс землю. Лея отогнала от миски осу и опасно оглянулась на раздвинутую дверь.

– Надеюсь, этот грохот не разбудит Регину, – сказала она.

– По-моему, она так устала, что спит без задних ног.

Женщина положила в рот несколько ягод.

– Не знала, что у нас растет тутовник.

– Его еще шелковицей называют, – сказал Марк, – Только здесь он белый, а в Украине или на юге России черный, как ежевика.

– Думаешь, все это, – женщина обвела вокруг рукой, – ей поможет?

– Что «это»?

– Ну, природа. Общение с животными. Как там это по-научному?

– Пет-терапия, – ответил Марк.

– Точно.

Марк пожал плечами.

– Не знаю. Давно она у тебя засыпала без колыбельных, мультиков, сказок на ночь?

– Давно, – ответила Лея.

– Так разве это того не стоило? – Марк кивнул в сторону дивана, на котором в обнимку с котом спала Регина.

Лея затушила сигарету и поцеловала его.

– Стоило, конечно. Ты молодец. Я невозможная пессимистка.

– Не такая уж и невозможная, – сказал Марк и чмокнул жену в щеку. – Идем-ка в дом.

Они прикрыли за собой дверь и зашли в салон. За огнеупорным стеклом буржуйки уютно потрескивали дрова. На поверхности печи стоял старый железный чайник с горячей водой. Из его изогнутого носика поднималась тонкая струя пара.

– Чай? – шепотом спросил Марк.

– Кажется, мы брали мерло? – вспомнила Лея. – Может, отметим переезд?

– Хорошая идея.

Марк ушел на кухню, а Лея забралась в кресло-качалку и протянула к огню озябшие руки. Дождь припустил. Его косые струи били по земле с такой силой, что казалось, будто он нацелен полностью смыть мошав с древних галилейских холмов.

При каждом раскате грома женщина взволновано всматривалась в лицо ребенка, но девочка спала на удивление крепко. Шум ее нисколько не тревожил.

Вернулся Марк. Он сел на ковер и протянул жене бокал вина:

– За нас.

– Лехаим, – ответила Лея и сделала маленький глоток. – О, неплохо. Приятное. Где делают?

– В Кацрине, – ответил Марк и подбросил в печку несколько поленьев. – Это на самой границе.

– Никогда не была, – Лея откинулась на спинку кресла.

– Может, мне поговорить с шефом? – Марк отпил из бокала. – Пусть переведет меня на удаленный график. Буду приезжать на планерки и совещания. Какая разница, где бить по клавишам?

– Насколько я помню, ваш последний разговор на эту тему окончился ничем.

– Но сейчас я могу принести рекомендации от доктора Голдин. Заключение медицинской комиссии. Справки.

– Закинь удочки. Может, и сработает.

– Здесь есть конюшня. Регина бы научилась управляться с лошадьми.

Девочка всхлипнула и повернулась на другой бок.

– Тише, – Лея приложила к губам указательный палец. – Не разбуди ее.

– Может, пойдем в комнату? – предложил Марк.

Лея кивнула и встала с кресла. Стараясь не шуметь, она на цыпочках подошла к дивану и поправила укрывавший Регину плед.

По лицу ребенка пробежала тень. Девочка вздрогнула и открыла глаза. Потрявоженный кот недовольно мяукнул и спрыгнул на пол.

– Тихо, милая, тихо, – Лея присела на край дивана и погладила дочь по голове.

Регина вытащила из-под подушки блокнот и написала:

– *Музыка! Ронни говорит, она повсюду!*

Марк поцеловал дочку в лоб и сказал:

– Тебе приснилось. Никакой музыки здесь не звучит.

– *Послушайте, какая она красивая! Нежели вы не слышите?*

– Спи родная, – прошептала Лея. – Это просто дождь.

Девочка тяжело вздохнула и поджала губы. Она прижала зайца к груди и снова легла на подушку.

Марк попытался вернуть Мордехая на диван, но тот вырвался и убежал на кухню.

– Вот засранец, – прошептал мужчина. – Попросишь теперь молока.

Какое-то время Регина хмуро смотрела в потолок, но потом ее глаза начали слипаться. Она задышала ровнее и отвернулась к стене. Убедившись, что ребенок спит, взрослые прихватили бокалы и тихо вышли из салона.

На мошав тихо опустилась ночь. Марк лежал в кровати и слушал песню дождя. В ней далеким эхом отзывался шепот множества нерассказанных историй, полунамеков и забытых тайн. Потоки воды размыли границы между сном и реальностью и оживили таящиеся во мраке тени. В полудреме Марку казалось, что дом – это корабль, который плывет по темному, неизведанному океану, а где-то в глубине притаились уродливые рыбы-удильщики с холодными выпученными глазами.

Словно безмолвные призраки прошлого, эти создания следовали за домом и всматривались в толщу воды – услышит ли человек наверху отголоски их рассказов? Первые из них слагались во времена, когда по земле еще ходили великаны, а человеческая жизнь длилась так долго, что люди сбивались со счета. Тысячелетия сменяли друг друга, цивилизации обращались в прах, а удильщики бережно хранили древние мифы. Но сейчас терпение рыбин иссякало – они желали лишь одного – чтобы быстрее нашелся тот, кто, наконец, сможет *выслушать*.

Марк отвернулся от окна и попытался разогнать остатки сна, но навязчивый образ морских чудищ никак не выходил из головы. Лея давно спала. На полу среди разбросанной одежды стояли недопитые бокалы и пустая бутылка мерло.

Мужчина откинул одеяло и встал с кровати. Боясь разбудить жену, не стал включать ночник. Хватало и света уличного фонаря, проникающего в комнату через незанавешенное окно. Придерживая скрипящую ручку, Марк тихо вышел в коридор.

Дом говорил с ним, но этот язык оказался совсем не похож на привычный городской шум. Вот ветка, словно крадущийся вор, тихо проскребела по черепичной крыше. Ветер под окном вздохнул горестно – вспомнил о давней утрате, которую, сколько ни плачь, уже не вернешь. Бурлящий в водостоке поток, словно кровь из перерезанной артерии, с шумом выплескивался на землю. А земля все пила, давясь и хмелея, срыгивая глинистыми лужами.

Откуда-то дул сквозняк. Из-за него кафель в коридоре стал почти ледяным...

Марк быстро прошел в туалет и включил свет. Тьма с недовольным шепотом откатилась по углам, но неясное предчувствие чего-то так и не исчезло.

Мужчина помочился и спустил за собой воду. Взглянул в зеркало.

Лицо помятое и усталое. Правый глаз красный. Видимо, лопнул сосуд. Во рту кисло от выпитого.

Марк выдавил на щетку несколько горошин пасты и тщательно почистил зубы.

«Так-то лучше», – подумал он и закрыл кран.

В коридоре, уже у самой двери что-то заставило его остановиться. Он повернул голову в сторону салона и прислушался – ничего. Все тихо. Скребущая по крыше ветка издала высокий пугающий звук и затихла.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок. Подсознание уже знало причину, но разум согласился принять ее лишь сейчас.

«Тишина, – подумал мужчина. – С ней *что-то не так*. Я не слышу, как дышит Регина».

Марк решительно прошел в салон. Печка давно прогорела. Комнату освещал лишь слабый свет торшера. Ветер, врывавшийся сквозь открытую дверь, запутался в занавеске и, пытаясь выбраться, трепал ее из стороны в сторону.

На пустом диване сидел одинокий игрушечный заяц. Скомканный плед лежал на полу.

– Во сколько вы легли спать? – спросил полицейский. – Важно установить точное время, чтобы понять, как далеко Регина могла уйти.

Часы на кухне показывали половину третьего. Дождь все не прекращался. Мужчина отпил маленький глоток кофе и вернул чашку на стол. В жестах полицейского читалось спокойствие и уверенность. На вид ему было лет сорок с небольшим.

– Что значит «уйти»? – возмутилась Лея. – Регина не могла никуда *уйти*. Дочь всегда старается быть рядом с кем-то из нас. В незнакомом месте она начинает испытывать панику, если не держит меня за руку.

– Послушай, Габи... – Марк сверился с именной табличкой на куртке полицейского, – ты должен понять, наша дочь особенная.

Лея бросила на мужа испепеляющий взгляд.

– Я хотел сказать, Регина – не обычный ребенок. Не такая, как все дети. Для нее выйти одной на улицу в темноте, да еще и в незнакомом районе это все равно, что для тебя прыгнуть со скалы. Ничто не заставило бы ее сделать это, – Марк почесал в затылке. – Позвони психологу Регины – доктору Голдин. Она подтвердит.

Габи кивнул и сделал пометку в записной книжке.

Марк продолжил:

– Но лучше не трать время и сразу исключи версию, что Регина ушла сама. Это просто невозможно. Тем более без этой игрушки, – мужчина указал на зайца. – Ронни для нее вроде второго «я».

– Я поговорю с доктором, как выйду от вас, – сказал Габи. – А пока скажите, во что Регина была одета?

– В обычную пижаму, – ответил Марк.

– Какого цвета?

– Серую. С белыми ромашками.

– У девочки есть особенные приметы?

– Шрам после удаления аппендицита.

– Хорошо, – Габи перелистнул страницу.

– Рядом с поселением есть арабские деревни? – внезапно спросила Лея.

Полицейский отвлекся от записей и перевел на нее взгляд.

– Километрах в пяти, – ответил он.

Лея схватилась за голову.

– Я говорила тебе насчет охраны! – прокричала она, глядя на мужа. – Почему ты меня не послушал?!

Марк попытался обнять ее, но женщина отпрянула назад и оттолкнула протянутую к ней руку.

– Дорогая, успокойся, – сказал Марк. – С Региной все будет хорошо. В большинстве поселений нет никакой охраны. Мы же не на территориях.

Лея прислонилась к плите и прикусила кулак. По ее покрасневшимся щекам потекли слезы.

– Послушайте, – полицейский сделал доверительный жест ладонью. – Я более пяти лет работаю на данном участке. За это время у нас не случилось инцидентов с арабами.

Плечи Леи содрогнулись от плача. Марк сжал скулы и опустил взгляд в пол.

– Если в дом пробрался террорист, – предположил Габи, – то почему он оставил вас в живых? Его задача – убивать. Он бы не остановился, учитывая, что вы спали и не могли оказать сопротивления.

В комнате воцарилась тишина. Трясущимися руками Лея пошарила в карманах и достала сигарету. Марк протянул жене зажигалку. Женщина прикурила и вытерла слезы.

– Вы не настолько зажиточны, чтобы речь шла о похищении ради выкупа, – продолжил Габи. – Поэтому я почти уверен, что девочка найдется. Лучше подумайте, не замечали ли вы чего-то *странного* в поведении Регины?

За оком сверкнула молния. Через несколько мгновений горы сотряс мощный раскат грома. Полицейский достал из кармана одноразовые салфетки и высморкался.

– Чертов дождь. Только неделю назад пропил антибиотики.

– Габи сказал, что сразу после нашего звонка его коллеги обследовали поселок и опросили жителей, – сказал Марк, когда полицейский ушел. – Никто не видел никаких подозрительных незнакомцев.

Лея держала в руках чашку остывшего чая и молча смотрела в одну точку. Голос мужа казался ей отзвуками эха, с трудом пробивавшегося сквозь невидимую преграду. Женщина слышала, о чем Марк говорит, но связать слова воедино у нее не получалось.

– В течение ближайшего часа доставят специально обученных собак, – продолжил Марк. – Они наверняка возьмут след. – Мужчина с тоской посмотрел в окно. – Только бы дождь им не помешал.

Лея помассировала лоб и спросила:

– Что говорит доктор Голдин?

– Телефон не отвечает, – Марк развел руками. – Она предупреждала, что в ближайшие дни будет на конференции в Европе. Я отправил мейл, но сейчас четыре утра. Плюс разница во времени.

Лея плотнее запахнула халат и отвернулась к стене.

– Послушай, блокнот тоже исчез, – сказал Марк. – Возможно, Габи прав. Регина ушла сама.

– Или что-то *заставило* ее уйти, – чуть слышно сказала Лея.

– О чем ты? – спросил Марк. – *Что*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.